

- Колесов В. В. Язык города. М., 1991.
- Мельников П. И. (Андрей Печерский) В лесах: В 2 кн. М., 1984. Кн. 1, 2.
- См.: Мир русского слова. 2003. № 2.
- Митина О. В. Женское гендерное поведение в социальном и кросс-культурном аспектах // Общественные науки и современность. 1999. № 3.
- Митина О. В., Петренко В. Ф. Кросскультурное исследование стереотипов женского поведения (в России и США) // Вопросы психологии. 2000. № 1.
- Ольшанский И. Г. Лингвокультурология в конце 20 века: итоги, тенденции, перспективы // Лингвистические исследования в конце 20 века. М., 2000.
- Потапов В. В. Многоуровневая стратегия в лингвистической гендерологии // Вопросы языкознания. 2002. № 1.
- Пушкарев Л. Н. Гендерный анализ и его применение к изучению истории культуры // Отечественная история. 1999. № 1.
- Рюткенин М. Гендер и литература: проблема «женского письма» и «женского чтения» // Филологические науки. 2000. № 3.
- Рябов О. В. Миф о русской женщине в отечественной и западной историософии // Филологические науки. 2000. № 3.
- Сатклифф Б. Критика о современной женской прозе // Филологические науки. 2000. № 3. и др.
- Соколова В. Ф. Островский и Мельников-Печерский // Русская литература 1870–1890 годов: Сб. 8. Свердловск, 1975.
- Трофимова Е. Словарь гендерных исследований // Высшее образование в России. 2001. № 3.
- Трофимова Е. И. Терминологические вопросы в гендерных исследованиях // Общественные науки и современность. 2002. № 6.

ТАТЬЯНА
МАРСЕЛЬЕВНА
ЧЕСКИДОВА

ТЕРМИНЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА (к проблеме терминологичности языковых единиц)

В статье определены основные проблемы выделения терминов уголовного права из текста закона и предложены возможные пути их решения.

В последнее десятилетие российское право переживает масштабную кодификацию практически во всех своих отраслях: страна получила новую Конституцию, Уголовный, Уголовно-процессуальный кодексы, КЗоТ и другие нормативно-правовые документы. Меняются юридические нормы, меняются и способы их изложения. Правоведы столкнулись с проблемой несовершенства юридической, в том числе уголовно-правовой, терминологии: они справедливо заметили, что в старом (1961 г.), Уголовном кодексе «неопределенность формулировок закона обуславливала невосприятие населением соответствующих деяний как преступных. В результате законодатель фактически сам способствовал насаждению правового нигилизма» [Комментарии 1996:3-4].

Правоведы отреагировали на создавшуюся ситуацию активными исследованиями в области юридической техники (техники законодательства), сетуя при этом на то, что языковеды остаются в стороне от их проблем, хотя кому, как не лингвисту, знать: чем совершеннее язык права, тем действеннее закон, тем более четко и глубоко он регулирует общественные отношения. Без терминов же невозможно добиться максимальной точности изложения законодательной мысли, они делают законодательство более компактным, избавляют его от пространных описаний и определений. В конечном итоге степень разработанности юридической терминологии свидетельствует об уровне юридической культуры в стране, об отношении к закону. Лингвистические исследования в области языка закона в целом и в сфере юридической терминологии в частности остро необходимы и должны быть направлены на решение практических задач, возникающих в процессе законодательной деятельности [Кострова 2002:143].

С нашей точки зрения, под терминологией следует понимать систему лексических единиц, которые а) функционируют в области специальной коммуникации, б) непосредственно соотнесены с системой понятий этой области, в) характеризуются функционально-стилистической коннотацией. Подчеркнем: специальным сферам общения, обусловленным такими формами общественного сознания, как право, наука, политика, мы противопоставляем коммуникацию в области искусства (поскольку в ней реализуется эстетическая функция языка) и бытовую коммуникацию, обусловленную обыденным сознанием.

Поскольку сфера специальной коммуникации сама по себе неоднородна, следует выделить три группы терминологической лексики: научно-техническую, официально-деловую и публицистическую. Эти три группы объединены общими признаками (специальной сферой функционирования, соотнесенностью с системой специальных понятий, функционально-стилистической коннотацией), однако каждая из них обладает присущими только ей специфическими чертами, обусловленными задачами и условиями коммуникации. Так, научная коммуникация представляет собой совокупность процессов представления, передачи и получения научной информации, которая образует основной механизм существования и развития науки; участниками научной коммуникации являются ученые и специалисты различных отраслей знания. В силу этого научно-техническая терминология культивирует и закрепляет специфические различия в языковых средствах, тогда как общий язык стремится нейтрализовать региональные, социальные и другие особенности. Узкоспециальная научно-техническая терминология может быть непонятна неспециалисту или неверно понята им. Публицистическая, в том числе газетная, и общественно-политическая терминология формируется в политической сфере общения и функционирует в средствах массовой информации. Поскольку основные функции СМИ — информационная и воздействующая, а в качестве адресата сообщения выступают широкие массы людей, термины публицистики являются общепонятными и экспрессивно-эмоциональными. Функцией права является регулирование отношений между гражданами, юридическими лицами, государственными органами, поэтому юридические термины общепонятны, носят всеобщий характер.

Итак, юридическая терминология и терминология правовой науки как лексические системы тесно связаны, но не идентичны. Термины права функционируют в текстах законов и иных нормативных актов, тогда как термины правовой доктрины употребляются в сфере научной (профессиональной) коммуникации юристов: в монографиях, научно-практических комментариях к законам, учебниках, в устном общении. Такие носители юридической информации, как научная и учебная литература, не являются собственным выражением права, а лишь передают информацию о нем. Мы полагаем, что под терминологией уголовного права сле-

О. Трофилова. ОСЕНЬ

дует понимать термины уголовного законодательства, которое в России представлено Уголовным кодексом. Термины правовой науки, не закрепленные в законодательстве (например, **экстрадиция** – выдача лица, совершившего преступление), мы принципиально не включаем в уголовно-правовую терминологическую систему.

Прежде чем перейти к непосредственному разговору о терминологии уголовного права, мы считаем необходимым заострить внимание на двух моментах, очевидных для правоведа, но, возможно, не вполне понятных нашему читателю – неюристу. Во-первых, особенности терминов в тексте уголовного законодательства не могут быть охарактеризованы без дифференцированного подхода к ним и, в частности, без выделения таких видов, как общеюридические термины (**закон, право, кодекс**), термины других отраслей знания (**психотропные вещества, новорожденный** – мед., **недра, континентальный шельф** – геогр.) и узкоспециальные термины – в том числе термины собственно уголовного права (**бандитизм, кража, амнистия, рецидив**) и термины других законодательных актов (**эмиссия ценных бумаг** – Федеральный закон «О рынке ценных бумаг», **монополистические действия** – Закон о конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках; **механическое транспортное средство, дорожное движение** – Правила дорожного движения). Термины других отраслей знания, как и термины других отраслей законодательства, употребляемые в уголовном законе, можно рассматривать как «инородные» и потому не подлежащие смысловой переработке. Они должны употребляться в том смысле, который закреплен за ними в соответствующей отрасли знания или законодательства: так, под **психотропными веществами** понимаются «природные или синтетические вещества, оказывающие стимулирующее или депрессивное воздействие на центральную нервную систему человека и включенные в соответствующие списки международных конвенций» (мед.), **механическое транспортное средство** – «любое транспортное средство, кроме мопеда, приводимое в движение двигателем» (Правила дорожного движения РФ). Собственно уголовно-право-

вые термины употребляются только в уголовном законодательстве, обозначая понятия, существующие только в области уголовного права (что не означает отсутствия соответствующих «бытовых понятий» в сознании рядового носителя языка — подробнее об этом ниже).

Во-вторых, уголовное право и его нормы в качестве адресата имеют не только милицию и суды (которые должны выявить каждый случай совершения преступления, установить, кем оно совершено, доказать виновность и подвергнуть виновных наказанию), но и физических лиц (то есть нас с вами), которым закон вменяет в обязанность не совершать преступных действий. В связи с этим возникает требование *принципиальной* доступности закона пониманию всех знакомящихся с ним: термины, используемые в уголовном законодательстве, *должны быть* не просто общепонятны — они *должны* употребляться в своем прямом, общеязыковом значении. Если слово многозначно в языке или малоупотребительно, то обязательно наличие легальной дефиниции — законодательного определения термина.

Таким образом, под **термином уголовного права**, с нашей точки зрения, следует понимать слово (лексикализованное сочетание слов), которое обозначает понятие собственно уголовного права и употребляется в тексте уголовного закона. Общепонятность уголовно-правового термина не исключает его терминологичности, но, напротив, обусловлена объективными причинами внеязыкового характера.

В теории права и в уголовно-правовой науке, как и в лингвистике, не существует единого мнения о качественной и количественной характеристике законодательных терминов, о критериях их выделения из общего словарного состава. В некоторых общетеоретических работах по языку закона высказывается утверждение, согласно которому в юриспруденции сравнительно немного специальных юридических терминов, обозначающих особые юридические понятия [Грязин 1983:46]. Однако исследователи языка уголовного закона полагают, что терминов, обозначающих чисто уголовно-правовые понятия, в уголовном законодательстве очень много. Так, Н. И. Хабибуллина приводит данные о том, что лексика уголовного закона терминирована на 42,14% [Хабибуллина 2001:12].

Мы полагаем, что споры о качественной характеристике уголовно-правового термина — это споры юристов и филологов. Языковеды гораздо чаще, нежели юристы, задаются вопросом, является ли некоторая лексическая единица термином, при этом критерием терминологичности для филолога выступает наличие в языке лексемы с таким же значением, то есть общеупотребительность и общепонятность языковой единицы. Например, словарь русского языка С. И. Ожегова отмечает у слова **ущерб** значение «потеря, убыток, урон» (без специальных помет) [Ожегов 1987:735], на основании чего делается вывод, что это слово используется в тексте Уголовного кодекса в своем прямом значении, а значит, не является термином. Определенный резон в таких рассуждениях есть: не каждое слово в законе — термин, существует основа подъязыка права, которую составляет стилистически нейтральная лексика, употребляемая в различных сферах и условиях общения и не привносящая в высказывание какого-то особого стилистического признака [Кожина 1993:39]. Юристы, не колеблясь, заявляют: слово **ущерб** есть термин, так как обозначает специальное юридическое понятие [см.: Панько 2001:294]).

Существует, на наш взгляд, два критерия, позволяющие безошибочно выбирать из лексического массива слова, которые следует считать уголовно-правовыми терминами. Первый критерий заключается в назывании специалистами по уголовному праву употребляемых ими слов терминами или не терминами. Такая ситуация сродни самосознанию человека: если он считает себя русским, то, веро-

ятнее всего, так оно и есть. Второй критерий – соотнесенность слова (словосочетания) со специальным понятием уголовного права. Если применять этот критерий терминологичности, то сам собой исчезнет вопрос о словах, входящих в терминологию в своем основном значении. Если денотатом слова является понятие уголовного права, то эта лексическая единица, безусловно – термин.

Еще один дискуссионный момент исследований терминологии уголовного права – проблема границ термина. В чем состоит отличие составного (многоэлементного) термина от свободного сочетания слов? Сколько элементов (слов) может входить в состав термина? Решение этих вопросов важно для толкования терминов в тексте закона и в специальных словарях.

Напомним: главным признаком терминированности сочетаний слов является семантическая целостность, которая создается в том случае, когда компоненты семантически равноправны и в сочетании их нельзя выделить семантический центр [Головин 1973:64]. Семантическая целостность обуславливает два критерия выделения термина из текста. Во-первых, семантически целостный составной термин изофункционален термину простому, однословному, что легко доказуемо: позицию составного термина в высказывании может занять как простой термин того же понятийного поля, так и термин, состоящий из большего или меньшего числа компонентов (т. е. количество компонентов не принципиально):

*«В отношении гражданина N городской прокуратурой возбуждено уголовное дело по факту **похищения человека / клеветы / незаконного лишения свободы / незаконного помещения в психиатрический стационар**» (указанные преступления названы в Особенной части УК, статьях (соотв.) 126, 129, 127, 128 гл. 17).*

Составной термин может быть также заменен однословным синонимом (теоретически, поскольку законодатель стремится избегать синонимии в тексте нормативного правового акта; в приведенном ниже примере термин **экстрадиция** используется в доктрине уголовного права, что не исключает возможности его включения в текст закона в будущем):

*«При отсутствии международного договора вопрос о **выдаче преступников / экстрадиции** может решаться дипломатическим путем».*

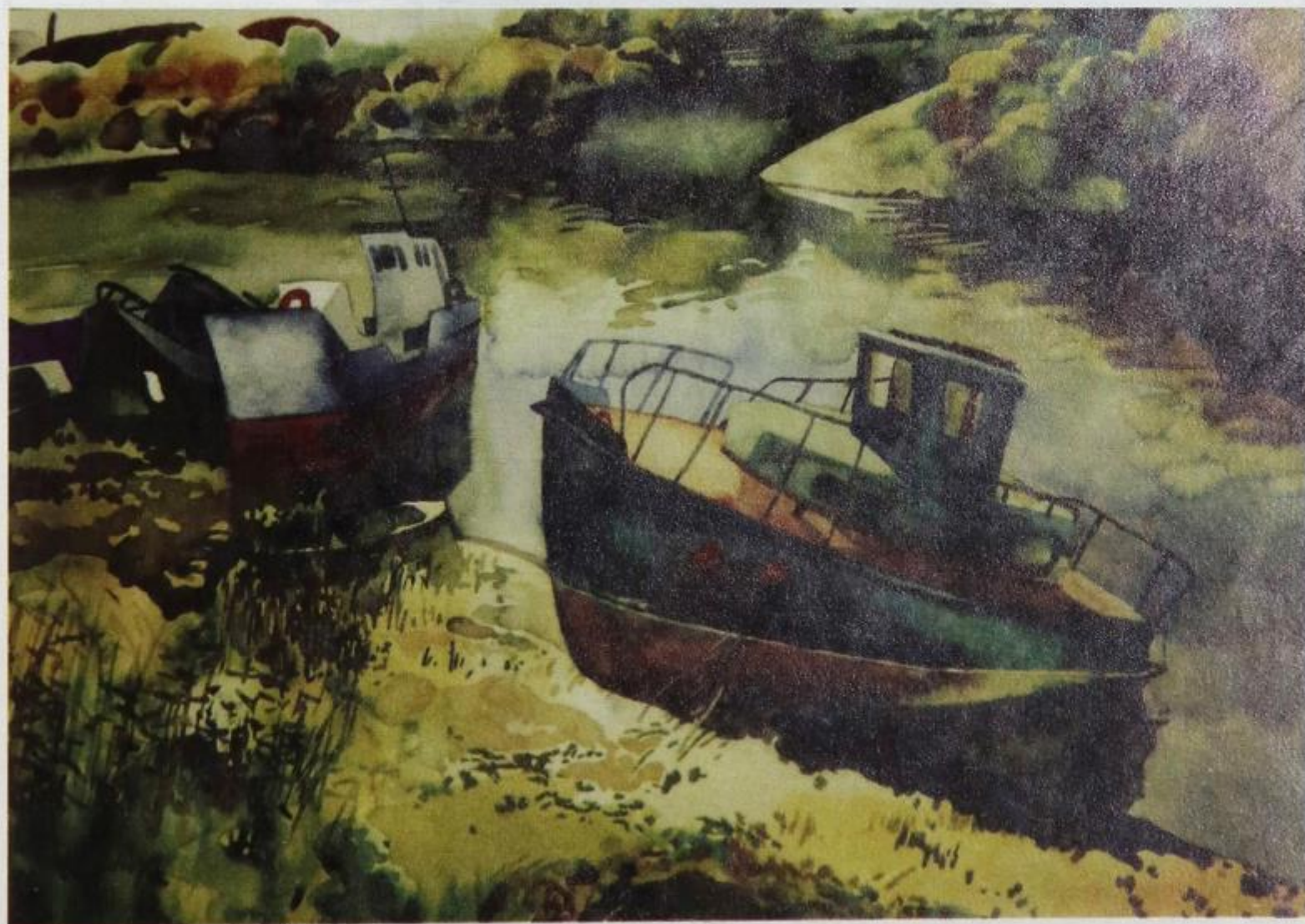
Во-вторых, другой признак терминированности словосочетаний, вытекающий из их семантической целостности, – это идиоматичность: если значение сочетания слов не равно сумме значений каждого из слов, то такое сочетание слов следует признать термином. Этот критерий особенно актуален для составных терминов, включающих более трех компонентов (а именно такие терминологические сочетания преобладают в Особенной части Уголовного кодекса). Так, сумма значений слов, составляющих сочетание **незаконный экспорт технологий, научно-технической информации и услуг, используемых при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники** (14 знаменательных слов), не равна значению термина, поскольку ни одно из слов не содержит сем «преступление в сфере экономической деятельности», «преступление в сфере экономики», которые являются родовыми в структуре этого терминосочетания.

Мы полагаем, что применение критерия идиоматичности позволит определить границы термина, то есть жестко дифференцировать: а) составные термины – сочетания слов, каждое из которых в отдельности не является термином (**умышленное уничтожение или повреждение имущества**), б) термины – сочетания слов и терминов (**превышение пределов необходимой обороны, совокупность преступлений**, ср. термины: **необходимая оборона, преступление**), в) сочетания терминов (**соучастники преступления, преступление, совершенное организованной группой**, ср. термины: **соучастники,**

преступление, организованная группа). На наш взгляд, собственно терминами являются первые две группы составных единиц, а сочетание терминов не является термином, поскольку не соответствует критерию идиоматичности: значение сочетания терминов складывается из значения этих терминов. Применяя этот критерий, мы сможем не только избежать нелепых «терминов» типа «превышение пределов» (человек, для которого русский язык является родным, наверняка спросит: пределов чего?), встречающихся в специальных словарях [см., напр.: Словарь 1997], но и продвинуться вперед в решении проблемы синонимии в тексте закона (если в Уголовном кодексе применяются сочетания слов **эксцесс исполнителя преступления** и **эксцесс исполнителя**, то нет необходимости считать их синонимами, из которых один — полная форма термина, а второй — сокращенная; в соответствии с выдвинутым нами критерием первое словосочетание есть сочетание терминов, а второе — собственно термин).

Таким образом, с нашей точки зрения, термином уголовного законодательства является только такая языковая единица, которая отвечает следующим требованиям: это слово называют термином специалисты по уголовному праву, оно соотносено со специальным понятием уголовного права. Для определения границ составного термина мы используем дополнительные критерии: изофункциональность простому термину и идиоматичность.

По нашему мнению, применение названных критериев терминологичности позволит не только выявить термины в тексте уголовного законодательства и определить их общее количество, а следовательно, и степень терминованности Уголовного кодекса, но и решить многие теоретические проблемы, в частности, связанные с синонимией и полисемией в уголовно-правовой терминологии, с дефиницией терминов в словарях разных типов. Мы полагаем, что эти критерии применимы для анализа других законодательных терминологических систем, в том числе ставших уже историческим фактом.

О. Трофимова. РЕКА ТУРА

ЛИТЕРАТУРА

Головин Б. Н. О некоторых доказательствах терминированности словосочетаний // Лексика, терминология, стили. Горький, 1973. Вып. 2.
Грязин И. Текст права. Таллин, 1983.

Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М., 1993.

Комментарии к Уголовному кодексу Российской Федерации. Общая и
Кострова М. Б. О «языковом» толковании уголовного закона // Известия вузов. Правоведение. 2002. № 3.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. 18-е изд., стереотип. М., 1987.
Особенная части / Под общей ред. Ген. прокурора Российской Федерации, проф. Ю. И. Скуратова и Председателя Верховного суда Российской Федерации В. М. Лебедева. М., 1996.

Панько К. К. Техничко-юридическое качество внутренних свойств уголовного закона // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование. Н. Новгород, 2001. Т. 2.

Словарь уголовного права / Под ред. А. В. Наумова. М., 1997.

Хабибуллина Н. И. Толкование права: новые подходы к методологии исследования. СПб., 2001.

С. Пашкина. ЛОРРРРА